

**А.С. Барабаш
К. Г. Помренин**

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ, ЕЕ РОЛЬ В УСТАНОВЛЕНИИ ВИНОВНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО

В теории советского уголовного процесса выделились два положения, по поводу которых в литературе ведутся ожесточенные споры. Это — состязательность и презумпция невиновности. Предметом нашего рассмотрения в рамках данной статьи будет состязательность.

У состязательности солидная история: разработка этого положения началась в России в XIX в. (с учетом опыта более развитых правовых систем Запада), а в 1864 г. был принят Устав уголовного судопроизводства, отразивший следующие признаки состязательности: 1) наличие в процессе сторон, стоящих отдельно от суда и пользующихся правами участия в деле; 2) равноправие сторон; 3) освобождение суда от процессуальных функций сторон (см. : 25. С. 64). Все это было призвано, как считалось, служить достижению истины (см. : 25. С. 63—64). В качестве средства реализации состязательности рассматривался диалог, устный спор, т. е. прения (см. : 10. С.371). Прениям в уголовном судопроизводстве придавалось такое же значение, как состязанию в гражданском. Государственный совет при обсуждении фигуры присяжного пришел к выводу о том, что без него «решительно невозможно будет ведение состязания в гражданском и судебных прений в уголовном судопроизводстве с целью раскрытия истины и предоставления полной защиты тяжущимся и обвиняемым перед судом» (26. С. 772).

Современная концепция состязательности в своей основе ничем не отличается от того представления о ней, которое сложилось в XIX в. (также говорится об отделении обвинения от суда, о процессуально равноправном положении обвинителя и обвиняемого как сторон) (см.: 23. С. 151; 24,

С. 307). Правда, состязательность стала рассматриваться как принцип советского уголовного процесса и в качестве одной из ее сторон начали выделять главенствующее активное положение суда в процессе по отношению к сторонам. Такое представление о состязательности было отражено даже в «Юридическом энциклопедическом словаре» (см. :11. С. 343) и со страниц юридической печати перекочевало в публицистику на газетные полосы. В состязательности многие авторы видят панацею от бед и судебных ошибок, в результате которых осуждаются невинные или применяется наказание, неадекватное степени общественной опасности личности.

Но что такое состязательность, служит ли она установлению виновности подсудимого? На эти и ряд других вопросов мы постараемся ответить, анализируя аргументацию современных авторов.

Авторы, обосновывающие состязательность, считают противоречие защиты и обвинения движущей силой уголовного процесса (см.: 17. С. 75). Деятельность по раскрытию преступления и реализации правосудия, таким образом, определяется противоречием целей деятелей, их борьбой, которая, однако, всегда протекает в рамках, установленных законом (см. : 17. С. 75). Отсюда следует идея существования в уголовном процессе функций обвинения и защиты. На столкновении деятельности субъектов, осуществляющих эти функции, проявляются интересы государства (установление истины по делу и его справедливое разрешение), которые реализуются судом как правосудие (см. : 17. С. 75). Орган правосудия контролирует деятельность по отстаиванию личных и ведомственных интересов и направляет ее в публичное русло.

М. С. Строгович считал, что состязание разворачивается в прениях в форме устного спора (речей и реплик) сторон (см. : 24. С.310). Речь и реплики прокурора содержат обвинение, так как они призваны убедить суд в виновности обвиняемого (см.:24. С. 310). Речь и реплики адвоката, напротив, преследуют цели: 1) оспорить обвинение по существу; 2) оспорить отдельные его пункты; 3) оспорить квалификацию; 4) не оспаривая обвинение, дать иную трактовку действий подзащитного; 5) обратить внимание на смягчающие вину обстоятельства (см.:24. С.315).

В. Н. Бибило расширяет рамки состязательности в уголовном процессе. Развивая идею М. С. Строговича, В. М. Савицкого и других ученых о противоречиях сторон как двигателе процесса, он говорит о том, что основания этого про-

тиворечия возникают уже на предварительном следствии в процессе доказывания (см.: 7. С. 88). Речь здесь идет о разделении труда и противоречиях, которые оно влечет. Сам процесс состязательности, по В. Н. Бибило, есть «способ самовыражения участников уголовного процесса» (7. С.88), а состязательным является весь процесс, так как он подготавливает прения (см.:7. С.88).

Однако изложенные представления о роли состязательности в советском уголовном процессе вызывают серьезную критику со стороны целого ряда ученых (с конца пятидесятых годов по сей день). Критикуют как саму идею принципа состязательности, неприемлемую для советского уголовного процесса (см.: 27.С.48—97; 12.С.263—293; 13. С.35; 3. С.53), так и наличие в процессе функций обвинения и защиты (см.: 9, С. 79—82; 28. С.33—34), противопоставление сторон (см.:4. С. 135—138) и установление истины посредством состязания (см.: 21. С. 52). Причем обращается внимание на то, что деятельность по раскрытию преступления и реализации правосудия публична, она проводится в интересах государства и его органами. Субъекты этой деятельности (следователь, прокурор, суд) должны стоять на публичных позициях и действовать в интересах всего государства, а не в интересах частных лиц. Этот принцип определяет обязанности государственных органов по выполнению задач уголовного процесса (см.:5. С. 39).

Состязательность противоречит также принципу объективности, полноты и всесторонности исследования обстоятельств дела (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и ст. 20 УПК РСФСР), который препятствует формированию субъективного, одностороннего подхода к делу, особенно тогда, когда речь идет о государственных органах. Исходя из этого, серьезные возражения вызывает существование в процессе функции обвинения¹. Высказывается мнение, что функцией, осуществляемой прокурором в процессе, выступает не обвинение, а надзор за законностью (см. :8). Обвинение же является одной из форм осуществления надзора за законностью. Формой осуществления

¹ Интересно развитие теории этого вопроса в дореволюционной литературе. По идее, заложенной в Уставе уголовного судопроизводства, прокурор должен быть блюстителем закона, но одновременное возложение на него функции обвинения привело к тому, что отдельные авторы стали высказываться так: «Закон не требует от прокурора действовать подобно судье, который обязан всякое сомнение толковать в пользу подсудимого. Нет ничего непоследовательного в том, что в сомнительных случаях прокурор

надзора за законностью может быть и защита, если прокурор, убедившись в законности и необоснованности обвинения, отказывается от него (см.: 14. С.77).

Совершенно иная ситуация складывается в отношении адвоката. Этот субъект по своему положению в уголовном процессе не может, не имеет права (ч. 1 ст. 51 УПК РСФСР) одинаково объективно относиться к обстоятельствам, доказывающим и опровергающим виновность, смягчающим и отягчающим ответственность подзащитного. При объективном исследовании обстоятельств дела другими субъектами доказывания и соблюдения ими законности роль адвоката в процессе по сравнению с этими субъектами понижается до фикции, т. е. он перестает быть нужным в процессе. И наоборот, роль адвоката повышается при необъективности следователя, прокурора, суда, нарушения закона (см.: 22. С. 49). Но, обосновывая состязательность, возлагать на адвоката контрольные функции — значит доверять контроль заведомо необъективному субъекту. Необъективность следователя, прокурора, суда может ведь быть и на руку обвиняемому.

Совершенно другой подход к решению проблемы состязательности наметил А. Р. Ратинов. Он переносит проблему состязательности из теории уголовного процесса в область юридической психологии и строит представление о юридической практике как о конфликте, в котором сталкиваются деятельности юриста и лица, участвующего в деле. А. Р. Ратинов, ставит задачу разрешения противоречий правоприменительной деятельности через конфликт в интересах общества и, тем самым, рассматривает состязательность как способ разрешения конфликтов, возникающих в процессе установления оснований для применения нормы уголовного права (см.: 20). При этом автор не определяет собственно процессуальный предмет состязательности. Не ясно, возникают ли противоречия в деятельности правоприменителей или речь идет только о конфликте правоприменителя и лица, участвующего в деле.

В. П. Нажимов и С. И. Прокопьева, также отстаивая

поддерживает обвинение, несмотря на то, что в качестве судьи он не решился бы произвести осуждение... Если бы прокурор в сомнительных случаях отказался от поддержки обвинения и объяснял сомнение в пользу подсудимого, то дело представлялось бы в одностороннем виде, неблагоприятном истине» (см.: Очерки судебных порядков по Уставам 20 ноября 1864 года. СПб., 1874. С. 424—425). Эта выдержка показывает, к каким выводам можно прийти, если последовательно, до конца, исходить из того, что на прокурора возложена функция обвинения.

идею состязательности в уголовном процессе, используют в качестве аргумента не уголовно-процессуальный закон и теорию, а представления, выработанные психологами. Речь идет о противоречиях в процессе познания и необходимости борьбы точек зрения (плюрализме) (см.: 14. С. 56; 18. С. 28).

Идея А. Р. Ратинова о конфликтном (состязательном) процессе вроде бы солидаризируется с мнением этих исследователей. Однако, если А. Р. Ратинов является здесь представителем психологической науки, то В. П. Нажимов и С. И. Прокопьева выступают представителями уголовно-процессуальной теории, каждый раз обосновывая законами психологии традиционные понятия о необходимости состязания субъектов, осуществляющих функции обвинения и защиты. И здесь приведенная критика состязательности остается в силе.

Подытоживая, можно сказать: на сегодняшний день не удалось создать достаточно жизнеспособную теоретическую модель состязательности в советском уголовном процессе.

Вернемся к некоторым исходным посылкам, изложенным выше. Первое, что, как нам кажется, необходимо сделать — это определить место состязательности в советском уголовном процессе. В литературе бытует представление, что состязательность способствует установлению виновности, достижению истины, т. е. по существу она является познавательным принципом. Если это так, то состязательность должна использоваться всегда в процессе уголовно-процессуального доказывания (познания) в качестве необходимого способа достижения истины. Последнее же возможно только тогда, когда цель — достижение истины — будет целью для всех субъектов, участвующих в состязательном процессе, результатом их совокупной деятельности. Но закон не навязывает такого отношения к цели уголовно-процессуального доказывания всем субъектам. Она значима лишь для органов государства. Другие участники уголовно-процессуальной деятельности, речь прежде всего идет об адвокате, относятся к ней с позиций пользы для тех, чьи интересы они отстаивают в процессе. В рамках предварительного расследования или судебного разбирательства возможны ситуации, когда обстоятельства дела и виновность обвиняемого устанавливаются следователем или судом неправильно. Применительно к ним адвокат определяется в зависимости от того, какие последствия могут наступить для его подзащитного. Вполне возможно, что неправильное установление обстоятельств облегчает по-

ложение обвиняемого (подсудимого). В данном случае у защитника должен отсутствовать познавательный интерес в установлении истины по делу. Если же неправильное установление обстоятельств дела, по сравнению с действительностью, ухудшает положение подзащитного, адвокат должен применить усилия для правильного установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Как в первом, так и во втором случае нет основы для состязательности — противоречия, конфликта. В первом случае адвокат не должен вообще прилагать усилия к достижению цели познания, во втором он солидаризируется с целями государственных органов, ведущих борьбу с преступностью, вступает с ними в сотрудничество для достижения цели познания, заявляя ходатайства о проверке версий, смягчающих или устраняющих ответственность обвиняемого.

Из сказанного ясно, что в рамках познавательной деятельности рассматривать состязательность в качестве принципа, обеспечивающего достижение истины, нельзя. Таким образом, действие этого положения не распространяется на предварительное расследование и судебное следствие.

Противоречия, связанные с различной оценкой результатов предварительного и судебного следствия, могут возникнуть в судебных прениях, где они разрешаются в рамках состязательности (противоречия), т. е. прения — та часть судебного заседания, где конфликт, возникший между участниками на основе противоречия, разрешается в интересах достижения истины. Сразу заметим, что при качественной работе органов предварительного расследования и суда, при выполнении ими познавательных принципов советского уголовного процесса практически исключается возможность возникновения состязательности по поводу правильности установления обстоятельств совершенного, в том числе и данных, свидетельствующих о виновности обвиняемого. Это идеал, и к нему должны стремиться все названные органы. Возникает вопрос: что же за принцип судопроизводства, которого в идеале быть не должна? Считаю уместным привести здесь примеры отношения к принципам классиков марксизма-ленинизма. «Принципы, — писал Ф. Энгельс, — не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них: не природа и человечество соотносятся с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории» (1. С.34).

Как нам кажется, состязательность всегда должна осуще-

ствляться в рамках судебных прений, тогда, когда речь идет об определении виновному вида и размера наказания за совершенное преступление. Предлагая свои рекомендации по этим вопросам, лица, участвующие в судебных прениях, должны исходить из того, что наказание не самоцель, оно оправдано лишь тогда, когда способствует исправлению и перевоспитанию виновного. Субъективным основанием назначения наказания является не только тяжесть совершенного деяния, но и в большей мере личность виновного.

Такие представления опираются на понимание ответственности, отличающееся от общераспространенного. На наш взгляд, при описании ответственности встречаются две крайности односторонней трактовки данного понятия. Это либо технико-юридические представления, в которых ответственность трактуется как результат процесса квалификации и реализации санкций, либо психологические, где она отождествляется с чувствами и переживаниями индивида (см.: 16).

Мы предлагаем определение понятия ответственности, которое учитывает как частности, так и технико-юридический, и психологический ее аспекты. Нам кажется, что главный упор нужно сделать на отождествление ответственности с управленческим действием, т. е. действием, по форме организационным, по содержанию перспективным (направленным в будущее).

С этой точки зрения при реализации ответственности формой ответственности будут признание виновным (осуждение), наложение и притерпевание наказания и судимость, а содержанием — исправление и перевоспитание. При этом пределы реализации формы ответственности будет определять деяние субъекта ответственности, а конкретную юридическую форму в рамках данных пределов (например, признать виновным или нет, какой вид и размер наказания назначить) следует выбирать с учетом индивидуальных качеств лица, от которых зависит его исправление и перевоспитание.

Познать личность во всем многообразии ее свойств и проявлений в рамках уголовно-процессуального доказывания не представляется возможным, так как сам закон ориентирует на установление субъективных характеристик. Поэтому справедливо замечание Р. С. Белкина о том, что теория личности развивается в основном в рамках наук уголовного права и криминологии, в то же время нет достаточно разработанного учения о применении знаний о личности и

методик исследования личности в уголовном процессе и криминалистике (см.: 16. С. 179). В связи с тем, что при назначении наказания необходимо учитывать личные качества, возникает целый ряд проблем. Основные из них: 1) как и какой субъект может организовать исследование личности в уголовном процессе? 2) как и какой субъект может организовать использование информации (знания) о личности в уголовном процессе?

Совершенно очевидно, что любая информация вовлекается в уголовный процесс на том его этапе, когда она там необходима, т. е. может быть использована. Необходимость в информации о личности как субъективном основании реализации мер уголовно-правового воздействия возникает: 1) в процессе предварительного расследования и в стадии предания суду при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности с применением мер воздействия иного характера; 2) в стадии судебного разбирательства в прениях, где обсуждается вопрос о назначении наказания.

Речи и реплики прокурора и адвоката в прениях должны содержать мотивированные предложения о виде, размере наказания и других его параметрах (например, режим при назначении наказания в виде лишения свободы).

Закон, требуя справедливости (ст. 2 УПК РСФСР), ориентирует как суд, так и прокурора на учет личности при назначении наказания. Этого невозможно добиться без выяснения того, насколько вид и размер наказания целесообразен с позиции исправления и перевоспитания виновного. Прогноз только тогда будет правильным, когда при его выдвигании использовались не просто субъективные данные, почерпнутые из уголовно-процессуального доказывания, а все их многообразие, свидетельствующее о личности виновного как социально-психологического феномена.

Однако законодателем не проведена последовательно идея обеспечения прокурором справедливости наказания. В ст. 31 Закона о Прокуратуре СССР, говорится о задачах надзора за исполнением законов при рассмотрении дел в судах, главный упор в ней сделан на то, что прокурор осуществляет надзор в судах для обеспечения законности и обоснованности судебных решений, хотя в последней части статьи сказано также, что прокуроры способствуют осуществлению целей правосудия. Это привело к тому, что прокуроры подходят к назначению наказания с точки зрения его объективных оснований, используя ту информацию, которая получена

в процессе доказывания и квалификации. В конечном счете прокурор использует в качестве основания для определенного наказания субъективные свойства личности обвиняемого, отраженные в характеристике, показаниях свидетелей и других материалах дела. Вероятно, особенностью этого подхода можно объяснить тот факт, что прокурор в суде, как правило, завышает суровость наказания.

В настоящее время наметилась тенденция, по которой критерием оценки деятельности прокуратуры рассматривается не только законность, но и целесообразность. Причем эти критерии не следует противопоставлять, применение же их позволяет гибко реагировать на сложную, изменяющуюся жизнь. В журнале «Социалистическая законность» в редакционной статье «Прокурор — организатор обеспечения законности», — написано по этому поводу следующее: «Нельзя забывать, что действия, отвечающие экономическим и социальным задачам времени, могут вступить в реальное противоречие с устаревшими нормативными предписаниями, тем более, что в уголовных кодексах существует немало норм, отсылающих ко всякого рода подзаконным актам» (19. С. 4). И как вывод отсюда: положение ч. 2 ст. 7 УК РСФСР должно распространяться на действия по закону общественно опасные, «но представляющие общественную полезность» (19. С. 4 — 5).

Противоречие между нормой закона и жизнью — явление объективное. Даже при самом совершенном законодательстве оно будет обнаруживать себя как то, что в конечном счете способствует непрерывному развитию закона. Но при принятии новой нормы противоречие является на какой-то момент разрешенным — законность и целесообразность сливаются воедино. И применительно к квалификации здесь не встает вопрос о целесообразности. Когда же мы говорим об определении наказания, то противоречия в любом случае неизбежны, так как каждый субъект должен дать прогноз на будущее, прогноз тем более вероятный, чем больше параметров учитывается при прогнозировании. Прогноз у двух разных людей при оценке одной и той же совокупности данных может не совпасть во всех деталях из-за расхождения субъективного опыта прогнозирующих. В нашем случае расхождение прогнозов до последнего времени обуславливалось и тем, что прокурор, основываясь на ст. 31 Закона о прокуратуре, не выходил в своем анализе личности обвиняемого за рамки тех субъективных свойств, которые описаны в законе,

Вряд ли положение изменилось после появления упомянутой редакционной статьи, не стоит надеяться на автоматическое изменение, даже если в законе будет указан дополнительный критерий — целесообразность, хотя для законодательного направления деятельности такое указание необходимо.

Изменение может произойти при совместной деятельности адвокатов и прокуроров, если последние сориентированы на необходимость обеспечения справедливого наказания. Причем определенные надежды на такие корректировки деятельности прокуроров мы возлагаем не только на закон, но и на адвокатов, так как ситуация в отношении их складывается иная. Они должны по мере своих возможностей действовать на пользу подзащитного. Опираясь на доказательство, адвокат может выйти в своем выступлении в прениях за рамки оснований назначения наказания и признания виновным, установленных в процессе доказывания. Здесь нужно оговориться, что участники прений не вправе ссылаться на доказательства, не бывшие предметом рассмотрения в судебном следствии. Думается: в данной ситуации возможно такое решение вопроса: адвокат может обратиться к обстоятельствам деяния и субъективным (статусным) данным подзащитного, отраженным в материалах дела и дать им свою интерпретацию, обращая внимание на проявление (отражение) в них личных качеств обвиняемого. Видимо, так нужно понимать М. С. Строговича, когда он пишет, что одна из целей адвоката в прениях — трактовка действий лица, не оспаривающая обвинение. Критерием необходимости этих действий адвоката, как уже говорилось, служит полезность для подзащитного. Наказание (равно как и признание виновным, которое не влечет исправления и перевоспитания), прежде всего, не полезно тому, к кому оно применяется. Здесь возникает новое понимание защиты. Традиционное определение защиты связывает ее с правами и законными интересами подзащитного (см. : 15. С. 146). Однако защиту можно трактовать шире: как достижение полезных для подзащитного интересов (см.: 29. С. 33—36).

Получив данные о личности подзащитного, адвокат должен действовать в процессе уже как субъект, отстаивающий идею назначения наказания с учетом личных качеств подзащитного. В этом случае и целесообразен конфликт (столкновение деятельностей) обвинения как формы осуществления надзора за законностью, и защиты как полезных для подзащитного действий. Такой конфликт по вопросу освобожде-

ния от уголовной ответственности с применением мер административного или общественного воздействия возможен также па предварительном следствии и в стадии предания суду, но для этого необходимо допускать адвоката во все стадии по всем делам.

Защита здесь перестает быть осуществлением функции (т. е. целью, положенной в деятельность, независимо от деятеля). Она становится искусством деятельности (см.: 2. С. 72). Роль защитника, таким образом, определяется уже не просто добросовестным выполнением обязанностей, возложенных на адвоката законом. Чтобы действовать эффективно, адвокат должен сознательно выбирать средства, приемы и методы борьбы, способные при наименьшей затрате средств дать наилучшие и наиболее прочные результаты (см.: 2. С. 75).

Деятельность защитника в этом случае способствует разрешению противоречия между целями и результатами правоприменительной деятельности, т. е. между декларацией о воспитательной функции наказания и реальным недостижением исправления и перевоспитания.

Исследование личности обвиняемого в уголовном процессе и использование результатов этого исследования в прениях в виде интерпретации обстоятельств деяния и данных об обвиняемом как раз и создает условия для конфликта (состязания) — организует его. Адвокат может, конечно, не организовывать конфликт, если наказание (или осуждение), которое требует прокурор, по мнению адвоката может достичь цели исправления и перевоспитания. Связь данного конфликта с течением уголовного процесса организационна, а не функциональна.

Модель состязания, как нам кажется, может выглядеть следующим образом: представитель надзора за законностью требует признать лицо виновным и назначить наказание с учетом и на основании информации, полученной путем доказывания. Адвокат в своей речи и репликах заявляет оппозицию по вопросу назначения наказания. Демонстрируя в прениях свои знания о личности подзащитного, он показывает, что исправления и перевоспитания нельзя достичь этими действиями. Свою позицию адвокат аргументирует, т. е. демонстрирует суду ее преимущества. При этом он использует информацию, полученную путем доказывания. Однако основания интерпретации такой информации получены путем внедоказательственного исследования личности. Здесь, вероятно, можно вести речь о доказательстве в логическом, а не

доказывании в уголовно-процессуальном смысле. При этом адвокат предлагает освободить лицо от наказания, либо выдвигает свою модель назначения наказания. Суд находится в роли наблюдателя (рефлексирующего), у которого есть две перспективы назначения наказания. Если у судьи возникает внутренний конфликт (сомнения в правильности позиций обвинения), то цель состязания достигнута.

С учетом изложенного, состязательность можно определить следующим образом: состязательность есть способ деятельности по разрешению противоречий между целями и результатами правоприменительной деятельности (между декларируемыми целями исправления и перевоспитания и реальным недостижением этих целей) посредством внедоказательственного исследования личности. Способ, который определяется остротой противоречий, может протекать в форме спора, дискуссии, полемики.

В данной интерпретации состязательность не есть принцип советского уголовного процесса, так как ее осуществление в процессе не обязательно, а факультативно. Она возникает и в тех случаях, при которых имеет место указанное выше противоречие и где проявляется субъект, организующий его разрешение через конфликт.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.
2. Аврах Я. С. Некоторые вопросы эффективности защиты в предварительном следствии // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань, 1976.
3. Агеева Г. Г. Принципы советского уголовного процесса, их сущность и значение // Труды ВЮЗИ. Т. 20. М., 1972.
4. Алексеев Н. С, Крылов Н. Ф., Лукашевич В. З., Максutow И. Х., Цветков П. П.: Рец. на кн.: Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М., 1960 // Вести ЛГУ. Сер. Экономики, философии и права. Вып. 3. 1962, № 17.
5. Алексеев Н. С, Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.
6. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 1. М., 1977.

¹ Об этих формах, подробнее: Соколов А. Н. Проблемы научной дискуссии. Логико-гносеологический анализ. Л., 1980.

7. Бибило В. Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. Минск, 1986.
8. Даев В. Г. К понятию обвинения в советском уголовном процессе // Правоведение. 1970. № 1.
9. Даев В. Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в советском уголовном процессе // Правоведение. 1974. № 1.
10. Кони А. Ф. Соч. С. 1. М., 1966.
11. Лупинская П. А. Состязательность // Юрид. энциклопедический словарь. М., 1984.
12. Малькевич Т. В. К вопросу о состязательности // Учен. зап. ВЮЗИ. 1958. Вып. 6.
13. Мокичев К. А. Против ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о государстве и праве. М., 1959.
14. Нажимов В. П. Об уголовно-процессуальных функциях и законах психологии // Правоведение. 1973. № 5.
15. Перлов И. Д. Защита и правосудие // Роль и задачи советской адвокатуры. М., 1972.
16. Примером технико-юридических представлений об ответственности может быть работа В. Т. Базылева (см.: Базылев В. Т. Юридическая ответственность. Теоретические вопросы. Красноярск, 1985). Применительно к уголовной ответственности эти представления отстаивает А. Н. Тарбагаев (см.: Тарбагаев А. Н. Понятие и цели уголовной ответственности. Красноярск, 1986). В качестве образца психологического представления об ответственности можно назвать работу К. Муздыбаева (см.: Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1983).
17. Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А. Проблемы судебного права. М., 1983.
18. Прокопьева С. И. Принцип состязательности и осуществление функции суда первой инстанции в судебном разбирательстве // Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам. Вып. 10. Калининград, 1982.
19. Прокурор — организатор обеспечения законности // Соц. законность. 1986. № 9.
20. Ратинов А. Р. Введение // Проблемы психологии следственной деятельности. Красноярск. 1986.
21. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому уголовному процессу. М., 1961.
22. Стецовский Ю. И. Адвокат в советском уголовном судопроизводстве. М., 1972.

23. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968.
24. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970.
25. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства СПб., 1902.
26. Цит. по раб.: Чельцов-Бебутов М. А. Курс советского уголовно-процессуального права. Т. 1. М., 1957.
27. Чельцов М. А. О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую уголовно-процессуальную теорию // Учен. зап. ВЮЗИ. 1958. Вып. 6.
28. Чеканов В. Я. Уголовное судопроизводство как целостная система // Вопросы уголовного процесса. Вып. 2. Саратов, 1979.
29. Шафир Г. М. Изучение эффективности участия защитника по уголовным делам // Соц. законность. 1968. № 1.